

«ПРИНЦИП — MULIER TACEAT IN ECCLESIA — НЕ ИМЕЛ ЗНАЧЕНИЯ В ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ»: П. А. ПРОКОШЕВ О ХАРИЗМАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ЖЕНЩИН В ЦЕРКВИ

Ключевые слова: женский вопрос, церковные вдовы, диакониссы, власть женщин, харизма, монархический епископат, историография, история Церкви.

Аннотация: В статье прослеживается характерное для эпохи позднего модерна историософское противопоставление мужского и женского начала, которое было перенесено П. А. Прокошевым на историю возникновения должности диакониссы в древней Церкви. Он показывает, как харизматичных вдовиц, которые стали узурпировать власть епископов в Церкви, заменили клерикальные (подчиненные церковной иерархии) диакониссы. Показано, на какие источники опирается Прокошев: с одной стороны, он использует исторический нарратив А. фон Гарнака о переходе от харизматической эпохи в истории Церкви к монархическому епископату. С другой стороны, в ракурсе проблематики женского вопроса Прокошев использует работу о сирийской Дидаскалии Х. Ахелиса, который описал борьбу церковных вдов и епископов. Прокошев усваивает эти идеи и пытается увидеть в них актуальные для своего времени проблемы феминизации церковной жизни на рубеже XIX и XX вв.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19-78-10143, <https://rscf.ru/project/19-78-10143/>. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет.

Для цитирования: Ячменик В. А. «Принцип — mulier taceat in ecclesia — не имел значения в первенствующей церкви»: П. А. Прокошев о харизматической власти женщин в Церкви // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 31. Москва: ИВИ РАН, 2023. С. 252-275. DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-252-275

V.A. Yachmenik

St Tikhon's Orthodox University
ORCID ID 0000-0003-4624-5962
Scopus ID 57851002900
yachmenik94@mail.ru

«THE PRINCIPLE OF MULIER TACEAT IN ECCLESIA DID NOT MATTER IN THE EARLY CHURCH »:

P. A. PROKOSHEV ABOUT THE CHARISMATIC POWER OF WOMEN IN THE CHURCH

Keywords: woman question, church widows, deaconesses, women's power, charisma, monarchical episcopacy, historiography, history of the Church.

Abstract: The article analyzes the historiosophic opposition between womanliness and virility that characterized the late modern era and was transferred by Pavel Prokoshev to the history of the emergence of the office of deaconess in the early Church. Prokoshev shows how the charismatic widows who began to usurp the power of bishops in the Church were replaced by clerical deaconesses subordinate to the church hierarchy. The article also reveals the sources Prokoshev drew upon, including the historical narrative of A. von Harnack on the transition from the Charismatic era in Church history to the monarchical episcopate, as well as the work on the Syrian Didascalía by H. Achelis, who described the struggle of church widows and bishops from the perspective of the women's issue. Prokoshev assimilates these ideas and tries to see in them the problems of the feminization of church life relevant at the turn of the 19th and 20th centuries.

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation under grant No 19-78-10143, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10143/>. The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

To cite this article: Yachmenik, Vyacheslav. "The principle of *mulier taceat in ecclesia* did not matter in the early church': P. A. Prokoshev about the charismatic power of women in the Church". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 31, 252–275. Moscow: IGH RAS, 2023. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-252-275

На рубеже XIX и XX вв. в европейской культуре стал крайне популярен вопрос соотношения «мужественности» и «женственности»¹. Однако внимание к гендерной проблематике было следствием не только кризиса в отношении вопроса, что считалось женским, а что — мужским, но преимущественно результатом выстраивания в текстах дискриминации одного начала (женского или мужского) другим. Поэтому значимым в начале XX в. стало сочинение И. Я. Бахофена «Материнское право: исследование о гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой» (1861), в котором повлиявший на Ф. Ницше, З. Фрейда, О. Вайнингера и других крупных фигур своего времени автор писал об историческом переходе от архаического «материнского права» к «патриархальности», от языческого матриархата к христианской власти отца, от кровного единства к духовному². Н. А. Бердяев, комментируя эту мысль Бахофена, писал в 1930-х гг.:

Бахофен гениально раскрыл борьбу мужского и женского принципа. [...] В мире происходит встреча, взаимодействие и борьба солнечного, мужского начала с лунным муже-женственным и с женственным началом земли. В зависимости от преобладания того или иного начала сменяются мировые эпохи. Архаическая, первоначальная эпоха человечества, по Бахофену, есть эпоха господства женского начала, матери-земли, богов подземных, хтонических. [...] Для Бахофена пробуждение духа и личности, т. е. начала солнечного и мужского и победа его над исконным господством матриархата, над первобытным космическим коммунизмом, над женской религией земли и подземных богов, есть положительный космический процесс³.

- 1 Ле Ридер. 2009: 149–320.
- 2 См. небольшой обзор его концепции в статье: **Потапова**. 2021. Комплексного исследования, посвященного рецепции идей Бахофена в России, нет, — что касается отдельных кейсов см.: **Ваганова**. 2018. См. также об опосредованной рецепции через О. Вайнингера: **Протопопова**, **Протопопов**. 2021.
- 3 **Бердяев**. 1931: 68–69.

Жак Ле Ридер, который проанализировал Бахофенское влияние на споры о «женском» и «мужском» начале в венском модерне, рассмотрел эту проблематику в фокусе кризиса мужской идентичности — последний есть «усиление женского начала и деконструкция начала мужского»⁴. Об этом в свое время писал упомянутый уже Бердяев, характеризуя фрейдистскую интерпретацию мифа об Эдипе: «Восстание против отца будет играть в истории большую роль. Оно принимает форму борьбы против власти, разума, нормы, закона»⁵. Как мы покажем, эта проблематика в такой историософской перспективе, — своего рода историческая «война полов», — проникает не только в культуру, но и в церковный контекст.

В пореформенной России женский вопрос стремительно обретал остроту и получал ясные очертания в социальной реальности⁶. Однако и в Церкви он оказался связан с конкретными практическими запросами своего времени. Как известно, росли численность и значение женских монастырей, появлялись женские духовно-учебные заведения, дискутировался вопрос об участии женщин в церковных хорах⁷. Более того, на глазах современников женское служение в Церкви возрождалось и на уровне церковных институций: в начале XX вв. на Поместном соборе Российской Церкви 1917–1918 гг. обсуждался вопрос о присвоении чина диаконисс сестрам Марфо-Мариинской обители и о введении этого чина⁸.

4 Ле Ридер. 2009: 201.

5 Бердяев. 1931: 69.

6 См. наиболее крупные работы: Рябов. 1997; Матич. 2008; Зусева-Озкан. 2022.

7 См.: Запальский. 2018; Попова. 2009; Никулина. 2022.

8 См.: Белякова, Белякова. 2001; Постернак, Баконина, Белоусов 2011: 448–463.

На стыке феминизации культуры, общественной и церковной жизни интерес к женскому вопросу возникает и в церковной науке, что порождает множество исследований⁹. Среди них особняком стоит исследование Павла Александровича Прокошева (1868–1943), профессора кафедры церковного права юридического факультета Томского университета, который в 1913 г. перевел на русский язык «Дидакалию апостолов» — один из источников для реконструкции истории женского служения в Церкви¹⁰. В том же году он опубликовал работу «*Didascalia apostolorum* и первые шесть книг апостольских постановлений: Историко-критическое исследование из области источников церковного права», которая была защищена в качестве докторской диссертации по церковному праву и отмечена Макариевской премией¹¹. В указанном исследовании Прокошев наряду с историческим и филологическим анализом памятника развивает тезис о власти женщин в Церкви, который кажется новым для своего времени и тем более для своей научной области:

Научными исследованиями последнего времени твердо установлено, что та система церковной организации, которая известна под именем монархического епископата, начала постепенно развиваться со II века. Первоначально же всюду, где появлялось христианство, наступало харизматическое время, когда Сам Бог управлял церковью через апостолов, пророков, дидакалов, евангелистов — особо облагодатствованных личностей, служение которых определялось не каким-либо формальным титулом, а Духом Божиим, живущим в них. [...] Среди таких героев духа первохристианской эпохи были и женщины. Принцип — *mulier taceat in ecclesia* — не имел значения в

9 См. об этих работах: **Beliakova**. 2019.

10 См.: **Methuen**. 1995; **Постернак**. 2021: 16–18.

11 Прокошев был учеником казанского проф. церковного права И.С. Бердникова, который отстаивал в науке интересы консерваторов (см. **Старков, Акишин**. 2019).

первенствующей церкви. И женщины осуществляли все права, предоставленные благодатствованному: учили, отпускали грехи, предпринимали путешествия с миссионерской целью, крестили¹².

В приведенном фрагменте указываются важные оппозиции: харизматической эпохе противопоставляется эпоха монархического епископата, носителям харизмы — церковная иерархия. Можно предположить, что автор пытается встроиться в активно ведущиеся в теологии дискуссии о харизме и в их рамках он выдвигает тезис о харизматической одаренности женщин в Церкви.

Вопрос о харизматических служениях женщин разрабатывается в современной западной историографии и в современном православном богословии¹³. Однако для начала XX века тезисы Прокошева кажутся нетипичными в отечественной церковной науке и, видимо, поэтому исследователи не обращали внимание на его работу и утверждали, что вопрос о харизматической природе женских служений выносился в России, в отличие от западной историографии, за скобки¹⁴. Но Прокошев пошел даже дальше утверждений о харизме женщин и попытался рассмотреть их служения как конкурирующие с епископской властью. В таком ракурсе этот вопрос получает большую оригинальность и, судя по всему, из области истории переходит в регистр историософских концепций своего

12 Прокошев. 1913а: 147–148.

13 Постернак. 2023: 18–19. Что касается вопроса о женской харизме в современном православном богословии, то следует назвать работы П. Евдокимова (см. Louth. 2015: 168–169). В литературе утверждается, что харизма давала возможность женщинам занимать те места в Церкви, которые были бы им недоступны по «должности», но это не приводило к конкуренции за церковную власть (о которой пишет Прокошев): Tucker, Liefeld. 1987: 130, 205, 352.

14 Белякова, Белякова, Емченко. 2011: 9.

времени. Мы рассмотрим далее историографические источники работы Прокошева и попытаемся показать, как он работает с ними в своем исследовании и на их основании выстраивает свой исторический тезис.

РАБОТЫ Х. АХЕЛИСА КАК ИСТОЧНИК ДИССЕРТАЦИИ ПРОКОШЕВА

Прокошев при работе с текстом памятника, которому посвящена его диссертация, опирался на исследования профессоров Кёнигсбергского университета Ханса Ахелиса (1855–1937) и Берлинского университета Адольфа фон Гарнака (1851–1930). Если последний из упомянутых крупных специалистов в области церковной истории определил весь основной исторический нарратив Прокошева (описание харизматических служений и возникновение монархического епископата), то Ахелис поставил в нем именно женский вопрос (по этой проблематике он опубликовал ряд значительных трудов, которые актуальны по сей день¹⁵). Прокошева заинтересовала работа «Die syrische Didascalia» (1904), в которой Ахелис описывает борьбу епископата с остатками харизматических служений в Церкви. Укажем далее на основные элементы его концептуальной рамки, в которой он рассматривает женский вопрос.

Ахелис последовательно противопоставлял в церковной истории свободную харизму и институциональную должность. На автора памятника сирийской Дидаскалии, который Ахелис издавал и исследовал, он смотрел как на носителя такой должности и переносил эту оппозицию на столкновение представительниц женских служений и епископов:

Институт вдов имеет долгую историю, восходящую к самым ранним временам христианства. Представитель современного

15 См.: Achelis. 1898; Achelis. 1902.

епископата, каким был автор “Дидаскалии”, должен был ощущать их древние права как посягательства на свое положение, и он стремился устранить их все¹⁶.

Желание «устранить» влияние женщин, служение которых затрагивало все сферы церковной жизни (в этом смысле, по Ахелису, служение в Церкви не было ограничено гендером), связано было с борьбой за власть, поскольку женщины руководили и некоторыми общинами¹⁷. Ахелис описывал столкновение вдов и епископов как противоборство двух властных начал: «Две церковные власти не уживались друг с другом, одна должна была подчинить себе другую»¹⁸. Поскольку вдова не имела «упорядоченной должности» (*geordnetes Amt*) и даже разрушала основанный на ней строй, она, по намерению церковной власти, «должна влиться в организм общины»¹⁹. «Вдова не хотела, — писал Ахелис, — чувствовать себя миряночкой и подчиненной епископа»²⁰. Вместе с тем епископ уже обладал полнотой власти и «поэтому вдовы удалялись в небольшие монастыри, где их старые права все еще полностью признавались»²¹. Но даже вдалеке от епископа они влияли на церковную жизнь и отдаляли от епископской общины многих христиан.

16 **Achelis, Flemming.** 1904: 281. Соавтор, Флемминг, отвечал исключительно за перевод с сирийского. Ахелис, напротив, отвечал за содержание.

17 Тут мы находим то место, вдохновившее Прокошева, которое он приводит у себя почти дословно, кроме последнего предложения о женщинах как предстательницах общин: «Der Grundsatz *Mulier taceat in ecclesia* galt kaum irgendwo in der Kirche. Sie übten alle Rechte aus, die den Geistbegabten vorbehalten waren: sie lehrten, taufeten, brachten die Eucharistie dar, vergaben die Sünden. Es hat gewiß viele Gemeinden gegeben, die nur von einer Frau oder von Frauen regiert waren» (**Achelis, Flemming.** 1904: 279).

18 **Achelis, Flemming.** 1904: 277.

19 **Achelis, Flemming.** 1904: 277.

20 **Achelis, Flemming.** 1904: 276.

21 **Achelis, Flemming.** 1904: 276.

В той логике церковного устройства, которую Ахелис называл монархическим епископатом, должен быть единоличный центр церковной власти, который заключается в церковной иерархии. Поэтому Ахелис указывал на введение должности диаконисы, о котором говорится в Дидаскалии, как попытку институционализировать женское харизматическое начало, поэтому исследователь писал, что «на место харизматической вдовы ставится клерикальная диаконисса, а на место Духа — должность»²². Однако, как считал Ахелис, по замыслу автора Дидаскалии, обуздание женщин было первым шагом, главная его задача — полностью избавиться от этого «рудимента прошлого»²³. Уловка состояла в том, что епископ как единственный обладатель права рукоположения получал полный контроль над диакониссами: теперь женщины, с одной стороны, должны оказывать ему полное иерархическое послушание, с другой стороны, они не могли получать более высокие церковные должности, «поскольку высшие [иерархические] ступени занимались мужчинами»²⁴.

РЕАКЦИЯ НА ИДЕИ АХЕЛИСА СРЕДИ СОВРЕМЕННИКОВ ПРОКОШЕВА

Еще «на пути» к диссертации Прокошева идеи Ахелиса развивались как у А. фон Гарнака (для Прокошева, как мы указывали, второй по значимости автор), так и у русских исследователей.

Прокошев в основном ссылался на две работы Гарнака, в которых тот опирался на Ахелиса при описании женских служений: «Die Mission und Ausbreitung des Christentums»

22 Achelis, Flemming. 1904: 282.

23 Achelis, Flemming. 1904: 281.

24 Achelis, Flemming. 1904: 278.

(второе издание 1906) и «Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts» (1910). В работе «Миссионерская проповедь и распространение христианства» Гарнак отмечал, что история женских служений «очень темна», но «эти учреждения показывают, как рано Церковь обратила внимание на организацию женщин разного положения»²⁵. Однако, как указывал исследователь, организованные женские служения не получили широкого развития в церковной жизни:

Церковная организация создала тем самым нечто совершенно уникальное; но даже в древности это учреждение, похоже, не оправдало себя по-настоящему; оно быстро теряет значимость, и до общепринятых достижений дело не дошло²⁶.

Женское служение, по словам Гарнака, получает развитие в среде гностиков и монтанистов, где оно понималось как пророческое. Именно борьба с этими еретическими сообществами «побудила Церковь запретить всякую деятельность женщин в Церкви, исключая служебные обязанности вдов и диаконисс»²⁷. Указав на эти обстоятельства, Гарнак хотя и говорил о напряжении между епископатом и женщинами, но не описывал его ни в терминологии Ахелиса (оппозиция «харизма / должность»), ни в рамках его концептуальной рамки (у которого эта история предстает как борьба женского и мужского властных начал). В упомянутой работе 1910 г. Гарнак лишь фиксирует, что диакониссы, вдовы и девы находили место в структуре христианской общины, но не разрабатывает этот вопрос подробно²⁸.

25 Гарнак. 2007: 368–369.

26 Harnack. 1906: 57. Русский перевод Спасского осуществлялся по первому изданию, в котором приведенного места нет.

27 Гарнак. 2007: 371.

28 Harnack. 1910: 51, 94, 101.

В России одним из предшественников Прокошева на пути рецепции идей Ахелиса и Гарнака был Сергей Викторович Троицкий (1878–1972)²⁹, который в 1912 г. писал о том, что служение вдов не было должностным «и его характер в каждом отдельном случае определялся обстоятельствами, известными нуждами местной Церкви, природными и сверхъестественными дарованиями известного лица»³⁰. Поскольку служение вдов Троицкий определял скорее как внеинституциональное, он указывал на преемство вдов первых и последующих веков христианства:

Вдовы первых двух веков явились... преемницами не только вдов апостольского времени, но и других женщин, добровольно служивших апостолам и обладавших иногда чрезвычайными дарованиями (χαρίσμα)³¹.

Мы видим, что, с одной стороны, Троицкий писал о том, что вдовы не были частью клерикальной структуры, не имели должностей, которые женщины получили при введении посвящения в диаконисс. Однако, с другой стороны, он не пытался, в отличие от Ахелиса, предложить независимую от церковной иерархии идею харизматической власти вдов (хотя к понятию харизмы он апеллирует тоже). Этот подход отличает Троицкого и от Прокошева, который вслед за Ахелисом будет утверждать, что автор *Didascalia Apostolorum* желает «вместо харизматической вдовицы учредить клерикальную диакониссу» и решить тем самым вопрос о власти епископа³².

Наконец, следует обратить внимание на один текст Николая Никаноровича Глубоковского (1863–1937),

29 См. о месте Троицкого в историографии по церковному служению женщин: **Постернак, Баконина, Белоусов**. 2011: 8–22.

30 **Троицкий**. 1912: 11.

31 **Троицкий**. 1912: 38–39.

32 **Прокошев**. 1913а: 154.

профессора Санкт-Петербургской духовной академии, который в 1916 г. откликается на идеи Ахелиса в связи с выходом диссертации Прокошева. Глубоковский говорил, что в церковной истории «“роль” в указанных грандиозных размерах иерархической полноправности никогда не могла принадлежать в Церкви ни единой женщине», если только читать древнецерковные памятники «без немецких очков»³³.

В своей рецензии Глубоковский, во-первых, пытался снять противопоставление харизмы и должности, поскольку, как он писал, «харизматизм и организованность были одновременными» и «по своей природе харизматизм нимало не был антагонистичен церковному иерархизму»³⁴. Во-вторых, высказался о женском вопросе и попытке его разрешить с помощью понятия харизмы. Глубоковский считал, что харизма даруется Богом вне зависимости от пола христианина, — носителями харизмы могли быть как женщины, так и мужчины, поэтому он писал, что «женщины-пророчицы и пользовавшиеся другими дарами оставались чрезвычайными явлениями наравне с харизматиками, но меньше их по количеству и по влиянию»³⁵. Таким образом, Глубоковский не видел в источниках свидетельств о той степени церковной власти, которую Ахелис и вслед за ним Прокошев, приписывали женщинам, тем более он не видел антагонизма между мужчинами и женщинами в церковной среде.

Гарнак, Троицкий и Глубоковский знакомы были с текстом Ахелиса, но при изложении истории женских служений в Церкви не переняли его радикализм, который позволял им обвинить его в антиисторичности (что,

33 Глубоковский. 1916: 347.

34 Глубоковский. 1916: 350.

35 Глубоковский. 1916: 352.

собственно говоря, делает Глубоковский, реагируя уже на «русского» Ахелиса в лице Прокошева).

БОРЬБА ЖЕНЩИН ЗА ВЛАСТЬ В ЦЕРКВИ В ИЗЛОЖЕНИИ ПРОКОШЕВА

От харизматичной вдовицы к клерикальной диакониссе

Прокошев становится тем автором, которому идеи Ахелиса оказываются близки при всей их дискуссионности, о которой свидетельствует реакция на них современников. Как мы указывали выше, Прокошев не только перенял тезисы о власти женщин в Церкви, но и рассматривал женское служение как харизматическое. В его диссертации конфликт харизмы и должности в рамках развития церковных институций помещается в то время, когда

еще находятся лица, конкурирующие с епископской властью во всех ее функциях и стесняющие епископское управление. Это — вдовицы, ведущие свою генеалогию от прежних одаренных пророчиц и ссылающиеся для оправдания своей власти в общине на Духа Божия, яко бы действующего в них. Вдовицы, по изображению Дидаскалии, не хотели встать в подчиненное отношение к епископу: они имели наклонность к самостоятельной деятельности, независимо от епископа³⁶.

В ракурсе столкновения харизматических вдовиц и епископа учреждение института диаконисс рассматривалось как попытка упорядочить церковную жизнь, которая нарушалась, ибо не была подчинена одному носителю церковной власти:

В борьбе с непокорными вдовицами... епископ не ограничивался одним моральным воздействием на них — увещаниями и вразумлениями; в его руках были средства и принудительного характера. Таким средством служили прежде всего определения относительно ординации вдовиц³⁷.

36 Прокошев. 1913а: 150.

37 Прокошев. 1913а: 152.

В ситуации, когда сопротивление сменяется покорностью, женщины больше не могут апеллировать к своему харизматическому преемству, поскольку они становятся носительницами должности.

Логика перехода от харизмы к должности в истории женских служений в Церкви, по всей видимости, имела для Прокошева интерес не столько в качестве исторической реконструкции, сколько в виде актуализации современных проблем церковной жизни. Поэтому во введении к своему переводу Дидаскалии он утверждал:

не только желательно, но и необходимо иметь Апостольскую Дидаскалию в русском переводе, особенно теперь, когда в русском обществе за последние 5–6 лет настойчиво раздаются голоса о коренной реформе православной церкви и... введению новых [установлений. — В. Я.] (напр., института диаконисс, о чем так много говорилось и писалось в истекшем году)³⁸.

Феминизация церковной жизни представлялась Прокошеву важной проблемой и он, с опорой на свои исследования, предлагал проект институционализации активно развивающихся женских движений. Поэтому Прокошев и обратился к идеям Ахелиса, который описал рождение должности диакониссы из борьбы женщин с епископами. Однако Прокошев более подробней, чем Ахелис, сфокусировался на описании епископата.

Фигура епископа: между монархической и отцовской властью

Роль епископа в истории борьбы с вдовами в диссертации Прокошева описывалась двояко. С одной стороны, Прокошев говорил о его «борьбе с наследием харизматического времени»³⁹. С другой стороны, как он же

38 Прокошев. 1913б: С. II.

39 Прокошев. 1913а: 156.

утверждал, епископ занял место харизматиков «на почве строгой законности, а не путем узурпации, как полагают некоторые протестантские ученые»⁴⁰. Как видится, автор в некотором смысле разрывался между верой в науку, о которой он заявлял (вспомним его слова о том, что «[н]аучными исследованиями последнего времени твердо установлено» противостояние в истории принципов харизмы и должности, в котором вдовы представляли харизматизм), и верой в Церковь, для которой именно епископ является носителем церковной власти. Чтобы снять эту дилемму, Прокошев апеллировал к тому, что узурпировали власть сами женщины, потеряв свою особую харизму в тот момент развития церковных институций, когда

с одной стороны, первенствующая роль принадлежала еще вдовицам, когда они представляли из себя как бы женский пресвитериат, отправляя почти все иерархические функции — учительство, разрешение кающихся и даже совершение крещения, а с другой — уже началось разложение этого института и подготавливалась замена его институтом диаконов⁴¹.

Амбивалентность фигуры епископа, борьба которого оправдывается деградацией «женского пресвитериата», в диссертации Прокошева связана была не только со столкновением научных и церковных интересов, но и с верой автора в успех реформы Церкви (как и в случае с диаконами). В одном из своих предшествующих исследований Прокошев указывал на причины кризиса религиозной жизни на Западе, которые заключаются в отсутствии демократизма церковной жизни. Те же проблемы он видел, по всей видимости, и в Православной Церкви начала XX в. Поэтому он с симпатией смотрел на развитие

40 Прокошев. 1913а: 149.

41 Прокошев. 1913а: 156.

модернизма в католической Церкви и таким образом характеризовал одно из его направлений:

Они требуют изменить самое понятие о церкви, заровнять пропасть между властвующими и подвластными так, чтобы церковь снова стала, как во времена Евангельские, братским обществом, основанным на любви. Они настаивают на реформе церкви на демократических началах: на сближении ее с народом, на предоставлении мирянам широкого участия в церковных делах, на изгнании из религиозной сферы всякой политики⁴².

В этих словах узнается как отрицательный образ епископа из диссертации Прокошева, который в эпоху монархического епископата представал как борец за свою единоличную власть, так и положительный образ, который Прокошев конструировал во введении к своей диссертации, где он писал, что жизнь в древнехристианской общине строилась совершенно иначе, чем в его время — она исключала «юридическое начало», и основывалась скорее на семейных основаниях:

каждая церковная община того времени представляла из себя в собственном смысле семью, в которой епископ был отцом, а остальные члены — детьми, в которой между христианами, как членами одной церковной семьи, царил дух полного взаимного единения, существовали самые простые отношения, чуждые всякого формализма⁴³.

Таким образом, идеального епископа Прокошев определял как «отца» церковной общины, которому противопоставляется, видимо, модель монархического епископата. Модель епископа как отца у Прокошева олицетворяла своего рода организующее мужское начало, в то время как вдовы представляли как анархичное женское

42 Прокошев. 1911: 18.

43 Прокошев. 1913а: XII–XIII.

начало церковной жизни⁴⁴. Пытаясь так интерпретировать данные о взаимоотношении вдов и епископата, обнаруженные автором в *Didascalia Apostolorum*, Прокошев описывал возникновение особой женской харизмы и историю борьбы за власть Церкви между вдовами и епископами.

Тезисы П. А. Прокошева восходят к конкретному источнику, — работам Х. Ахелиса, — тем не менее этот кейс в истории *fin de siècle* позволяет выявить еще более широкий контекст, который стоял за идеей Прокошева о «женском пресвитерии». Эпоха вынуждала описывать женский вопрос именно в ракурсе борьбы и противопоставления двух начал, которые, начиная с Бахофена, находили свои разные репрезентации в исторических нарративах эпохи Модерна. Исходя из этого, тезис о власти женщин в диссертации Прокошева представляет яркий пример презентизма в церковной науке начала XX в., в которой конструируемые исторические феномены становятся материалом для переживания проблем настоящего.

Пожалуй, особенно выделяет идеи Прокошева среди его современников попытка связать гендерную проблематику, концепцию харизмы и вопрос о власти в Церкви. Модель епископа-отца стояла у Прокошева за упорядочивающей «должностью» епископата и олицетворяла (если мы перейдем на культурный язык эпохи Модерна) своего рода мужское начало церковной власти. Оно представляло власть и организованность, женское же начало — анархичность и стихийность. Как видится, чтобы обозначить эту неустойчивость, Прокошев и использовал для описания

44 Этот подход можно сравнить и с русской религиозной философией (Рябов. 1997: 106)

«женского пресвитериата» понятие харизмы, вызывающее коннотации личностного и неформального начала.

Во многом Прокошев некритически воспринял идеи Ахелиса (особенно на фоне критики его идей другими исследователями) и перенес их в своей текст, но вместе с тем он попытался пойти дальше: он видел в борьбе епископа с харизматичными вдовами не только окончательную победу монархического епископата, не только противопоставление «женского» и «мужского» начала, но и указание на то, как Церковь могла бы реагировать на феминизацию жизни. Он не предлагал игнорировать или дезавуировать попытки женщин найти место в Церкви для реализации своего христианского призвания, — напротив, среди современных проектов преобразования церковной жизни он поддерживал идею введения чина диаконисс. В своей работе он аргументировал этот проект логикой добровольного подчинения (диаконисс — епископу), которая противопоставляется логике борьбы. В культурном контексте этот подход Прокошева становится не только любопытной иллюстрацией к эпохе *fin de siècle*, но и попыткой ее переосмыслить в рамках проблем современной церковной жизни.

Список источников и литературы

Белякова, Белякова, Емченко. 2011 — Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.

Белякова, Белякова. 2011 — Белякова Е. В., Белякова Н. А. Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 139–161.

Бердяев. 1931 — Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931.

Ваганова. 2018 — Ваганова Н. А. Дионисийство и софийность. Онтология и антропология женственности в проекте художественной религии Вячеслава Иванова // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 128–139.

Гарнак. 2007 — Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века / пер. с нем. А. А. Спасского. СПб., 2007.

Глубоковский. 1916 — Глубоковский Н. Н. Дидакалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению // Христианское чтение. 1916. № 3. С. 339–360.

Запальский. 2018 — Запальский Г. М. Женское монашество и женская эмансипация в предсоборный период и на Соборе 1917–1918 гг. // Собор и соборность: К столетию начала новой эпохи. М., 2018. С. 228–240.

Зусева-Озкан. 2022 — Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930 годов / под ред. В. Б. Зусевой-Озкан. М., 2022.

Ле Ридер. 2009 — Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / пер. с фр. Т. Баскаковой. СПб., 2009.

Матич. 2008 — Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.

Никулина. 2022 — Никулина А. А. Женщины в церковных хорах: дискуссия в периодической печати рубежа XIX–XX веков // Художественная культура. 2022. № 4. С. 458–483.

Попова. 2009 — Попова О. Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Дисс. ...докт. ист. наук. М., 2009.

Постернак, Баконина, Белоусов. 2011 — Служение женщин в церкви: Исследования / Сост. свящ. А. Постернак, С. Н. Баконина, А. В. Белоусов. М., 2011.

Постернак. 2021 — Постернак А. В. Вдовы и диакониссы в иерархии Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 11–27.

Постернак. 2023 — Постернак А. В. Западная историография о женском служении в Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 110. С. 11–28.

Потапова. 2021 — Потапова Г. Е. Царство Матерей – Царство отцов – Царство Братьев? О влиянии теории матриархата И. Я. Бахофена на немецкую рецепцию творчества Ф. М. Достоевского в XX веке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, № 1. С. 120–132.

Прокошев. 1911 — Прокошев П. А. Религиозный кризис на западе Европы (Модернизм). Томск, 1911.

Прокошев. 1913а — Прокошев П. А. *Didascalia Apostolorum* и первые шесть книг Апостольских Постановлений. Историко-критическое исследование из области источников церковного права. II. Приложение: *Didascalia Apostolorum* (текст памятника в русском переводе). Томск, 1913.

Прокошев. 1913б — Прокошев П. А. Дидаскалия, т.е. католическое учение двенадцати апостолов и святых учеников нашего Спасителя. Томск, 1913.

Протопопова, Протопопов. 2021 — Протопопова А. В., Протопопов И. А. Между Отто Вейнингером и В. В. Розановым: о конструировании феминности и маскулинности в творчестве Д. С. Мережковского // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 3. С. 204–221.

Рябов. 1997 — Рябов О. А. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.

Старков, Акишин. 2019 — Старков П. И., Акишин С. Ю. Переписка И. С. Бердникова с русскими учеными и учениками по Казанской духовной академии (1870–1914 гг.) // *Церковь. Богословие. История*. Екатеринбург, 2019. С. 369–381.

Троицкий. 1912 — Троицкий С. В. Диакониссы в православной церкви. СПб., 1912.

Achelis. 1898 — Achelis H. Diakonissen, altkirchliche // *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche* / J. Herzog, A. Hauck, Hrsg. 3. Aufl. Leipzig, 1898. Bd. 4. S. 616–620.

Achelis. 1902 — Achelis H. Virgines Subintroductae: Ein Beitrag zum VII Kapitel des I Korintherbriefs. Leipzig, 1902.

Achelis. 1904 — Achelis H., Flemming J. Die syrische Didascalia. Lpz., 1904.

Beliakova. 2019 — Beliakova N. Women in the Church: Conceptions of Orthodox Theologians in Early Twentieth-Century Russia // *Orthodox Christianity and Gender. Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice* / Ed. H. Kupari, E. Vuola. Routledge, 2019. P. 47–52.

Harnack. 1906 — Harnack A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Zweite neu durchgearbeitete Auflage mit elf Karten. Leipzig, 1906. Bd. 2.

Harnack. 1910 — Harnack A. Entstehung und Entwicklung der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts in den zwei ersten Jahrhunderten. Lpz., 1910.

Louth. 2015 — Louth A. *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present.* Downers Grove, IL, 2015.

Methuen. 1995 — Methuen C. Widows, Bishops and the Struggle for Authority in the Didascalia Apostolorum // *The Journal of Ecclesiastical History.* 1995. Vol. 46 (2). P. 197–213.

Tucker, Liefeld. 1987 — Tucker R., Liefeld W. *Daughters of the Church: Women and Ministry from New Testament times to the Present.* Zondervan, 1987.

REFERENCES

Beliakova, Elena and Nadezhda Beliakova. “Discussion about deaconesses on the Local Council, 1917–1918.” *Tserkovno-istoricheskii vestnik* 8 (2001): 139–161. (In Russian)

Beliakova, Elena, Beliakova, Nadezhda and Elena Emchenko. *Women in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice.* Moscow: Kuchkovo pole, 2011. (In Russian)

Beliakova, Nadezhda. “Women in the Church: Conceptions of Orthodox Theologians in Early Twentieth-Century Russia.” In *Orthodox Christianity and Gender. Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*, edited by Helena Kupari and Elina Vuola, 47–52. London: Routledge, 2019.

Le Rider, Jacques. *Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in Fin-de-siècle Vienna.* St. Petersburg: N. I. Novikov Publ., 2009. (In Russian)

Louth, Andrew. *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present.* Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2015.

Matich, Olga. *Erotic Utopia: New Religious Consciousness and Fin-de-Siècle in Russia.* Moscow: NLO Publ., 2008. (In Russian)

Methuen, Charlotte. “Widows, Bishops and the Struggle for Authority in the Didascalia Apostolorum.” *The Journal of Ecclesiastical History* 46, no. 2 (1995): 197–213.

Nikulina, Anna. "Women in Church Choirs: Discussion in the Periodical Press of the Turn of the 20th Century." *Hudozhestvennaya kul'tura* 4 (2022): 458–483. (In Russian)

Popova, Olga. *Women's Spiritual Education and its Role in Changing the Social Status of Women in Russia (second half of the 19th — early 20th century)*. Moscow, 2009. (In Russian)

Posternak, Andrey, Bakonina, Svetlana, and Belousov, Alexey. *Women's Service in Church*. Moscow: PSTGU Publ., 2011. (In Russian)

Posternak, Andrey. "Widows and deaconesses in the hierarchy of the Early Church." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 98 (2021): 11–27 (In Russian)

Posternak, Andrey. "Western historiography on women's ministry in the Early Church." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 110 (2023): 11–28. (In Russian)

Potapova, Galina. "Realm of the Mothers — Realm of the Fathers — Realm of the Brothers? The Influence of J. J. Bachofen's Theory of Matriarchy on the German Reception of F. M. Dostoevsky's Work in the 20th century." *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities* 22, no. 1 (2021): 120–132. (In Russian)

Protopopova, Anna, and Ivan Protopopov. "Between Otto Weininger and Vassily Rozanov: Constructing the Feminine and the Masculine in Dmitry Merezhkovsky's Works." *Studia Litterarum* 6, no. 3 (2021): 204–221. (In Russian)

Ryabov, Oleg. *Woman and Femininity in the Philosophy of the Russian Silver Age*. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1997. (In Russian)

Starkov, Pavel, and Sergey Akishin. "Correspondence of I. S. Berdnikov with Russian scholars and students of the Kazan Theological Academy (1870-1914)." In *Church. Theology. History*,

369–381. Ekaterinburg: Ekaterinburg Theological Seminary, 2019. (In Russian)

Tucker, Ruth, and Walter Liefeld. *Daughters of the Church: Women and Ministry from New Testament times to the Present*. Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1987.

Vaganova, Natalia. “Dionysiasm and Sophianic. Ontology and Anthropology of Femininity in the Project of Artistic Religion by Vyacheslav Ivanov.” *Voprosy Filosofii* 10 (2018): 128–139. (In Russian)

Zapalsky, Gleb. “Female Monasticism and Female Emancipation before during the Council of 1917–1918.” In *Sobor and Sobornost: Toward the Centenary of the Beginning of a New Era*, 228–240. Moscow: PSTGU Publ., 2018. (In Russian)

Zuseva-Ozkan, Veronika. *Woman of Modernity: Gender in Russian Culture 1890–1930*. Moscow: NLO Publ., 2022. (In Russian)